БИБЛІОТЕКА
УЧЕНАГО КОМИТЕТА МИН. ФИН.

16405

Слав. [illegible]

1898, X–XII

Cart. Marmi.
1898
X–XII

16405
К
Сѣв. Вѣстн.
1898, X—XII
19571
16405
БИБЛІОТЕКА УЧЕНАГО КОМИТЕТА М
[А.В.]

Домашняя промышленность въ Австріи.

Движеніе 1848 г. кончилось полной неудачей для Германіи и Австріи, а во Франціи породило кратковременную февральскую республику. Реакція, начавшаяся послѣ 1848 г. и продолжавшаяся вплоть до крымской кампаніи, на этотъ разъ носила нѣсколько иной характеръ, чѣмъ случалось до сихъ поръ. Демократическое направленіе въ движеніи 48 г. было потушено и подавлено во Франціи цѣлымъ моремъ крови за іюльскіе дни, въ Австріи взятіемъ послѣ кровопролитнаго штурма Вѣны — этого очага революціоннаго броженія. Буржуазія торжествовала повсюду. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ она въ Австріи дала рѣшительно почувствовать свое господство и свою силу, совершенно измѣнивъ тогдашній промышленный строй: въ 1859 г. былъ введенъ новый промышленный уставъ, отмѣнявшій организацію промышленности въ принудительные цехи и объявлявшій «свободу» промысла. «Право на трудъ», во имя котораго въ концѣ прошлаго вѣка Тюрго, тогдашній министръ при Людовикѣ XVI, требовалъ уничтоженія всѣхъ цеховыхъ и корпоративныхъ привиллегій, въ Австріи было осуществлено новымъ промышленнымъ регламентомъ. Само собою, это право на трудъ не имѣло ничего общаго съ тѣмъ правомъ, котораго требовалъ парижскій пролетаріатъ въ 1848 г. «Право на трудъ» французскихъ рабочихъ означало собою планомѣрную организацію производства—право на трудъ австрійской, какъ и всякой другой буржуазіи, знаменовало собою наступленіе эры «свободной конкурренціи», неограниченнаго соперничества и борьбы всѣхъ противъ каждаго и каждаго противъ всѣхъ. Конечно, на практикѣ буржуазія никогда не выдерживаетъ этого принципа «свободы конкурренціи» въ тѣхъ случаяхъ, когда положеніе дѣлъ невыгодно для нея, она первая требуетъ вмѣшательства правительства при ея столкновеніяхъ съ рабочими, разъ только она знаетъ, что эти столкновенія могутъ разрѣшиться не въ ея пользу. Впрочемъ, насъ теперь интересуетъ на отношеніе буржуазіи къ ею же самой вы-

19799
39
Библиотека ИНФ СССР

ставленному принципу, а то вліяніе, которое оказалъ промышленный уставъ 1859 г. на австрійскую промышленность. До этого года, организованная въ цехи, приспособленная къ спеціальнымъ отправленіямъ, ограниченная, въ большинствѣ случаевъ, мѣстнымъ рынкомъ — промышленность Австріи мало чѣмъ отличалась отъ средне-вѣковой. Новое положеніе дѣлъ рѣзко измѣнило весь этотъ архаическій строй. Раньше каждый ремесленникъ, каждый производитель былъ поставленъ въ совершенно тождественныя условія—всѣ они были обладателями орудій производства, всѣ получали приблизительно одинаковую прибыль, всѣ работали одинаковое число часовъ и держали одинаковое, ограниченное закономъ число подмастерій и учениковъ. Единственная разница состояла въ неравенствѣ личныхъ дарованій, и конкурренція могла проявляться лишь въ стремленіи улучшить продуктъ и тѣмъ завоевать нѣсколько болѣе широкій сбытъ своимъ произведеніямъ, хотя нужно помнить, что и самый сбытъ былъ подчиненъ строгой регламентаціи. Съ 1859 г. все это радикально измѣнилось: ни сбытъ, ни количество рабочихъ, ни качество продукта, ни величина капитала—ничто не регулировалось, всякому было предоставлено справляться, какъ онъ самъ сумѣетъ это сдѣлать. Производство было организовано на совершенно новыхъ началахъ: съ одной стороны появился классъ наемныхъ рабочихъ, съ другой—капиталистовъ, причемъ соглашеніе между этими классами было предоставлено ихъ собственному «свободному» рѣшенію, игнорируя то обстоятельство, что съ одной стороны стоялъ капиталистъ, съ другой рабочій, который долженъ былъ умереть съ голода завтра, если не продастъ своей рабочей силы сегодня.

Крупный капиталъ, къ услугамъ котораго были всѣ банки, вся организація кредита, а также и политическая власть, былъ поставленъ лицомъ къ лицу съ ремесленникомъ, у котораго не было ничего, кромѣ пары рукъ и жалкихъ ручныхъ инструментовъ. Послѣдствія подобнаго противопоставленія можно было предсказать съ полною точностью, даже и не будучи пророкомъ. Случилось то, что должно было случиться: мелкая промышленность стала неудержимо разрушаться. Сотни тысячъ мастеровъ и подмастерій остались безъ всякихъ средствъ къ жизни; милліоны ихъ женъ и дѣтей должны были принять участіе и притомъ самое активное въ борьбѣ за насущный кусокъ хлѣба. Такой порядокъ дѣлъ, т. е. господство ни чѣмъ неограниченной свободы конкурренціи, продолжался до 1883 г. Въ этомъ году случилось то, чего казалось бы нельзя было ожидать въ З. Европѣ—а именно: въ австрійскомъ рейхсратѣ прошелъ законъ, снова воскресившій средне-вѣковую цеховую организацію. По II части этого закона каждый, занимающійся какимъ-либо промысломъ, уже въ силу одного факта занятія этимъ промысломъ считался принадлежащимъ къ цеховой организаціи. Было возстановлено испытаніе, т. е. экзаменъ, который необходимо было сдать, чтобы получить право заниматься промысломъ,

были даже возстановлены старыя, средне-вѣковыя границы для каждой ремесленной группы; законъ, какъ и прежде сталъ опредѣлять, что принадлежитъ къ данному ремеслу и что нѣтъ. Процессы, какъ казалось, уже давно сданные въ архивы и имѣющіе лишь историческій интересъ—снова начали играть видную роль, и соотвѣтствующія инстанціи были завалены дѣлами и исками булочниковъ на пирожниковъ и башмачниковъ на сапожниковъ. Какъ могъ въ 1880 гг. нашего столѣтія пройти законъ, воскрешавшій старый, отжившій строй, строй, уничтоженный торжествующей буржуазіей въ 1859 г.? Собственно дѣло обстоитъ нѣсколько иначе, чѣмъ представляется съ перваго взгляда. Крупная и преимущественно индустріальная буржуазія, бывшая творцомъ промышленнаго устава 1859 г. довольно неправильно разсчитала свои силы: спустя 24 года стало ясно, что этотъ срокъ былъ недостаточенъ для полнаго уничтоженія старыхъ способовъ производства. Правда, эти способы были расшатаны до основанія, они сохранили только тѣнь самостоятельности,—но, несмотря на все это, для различныхъ слоевъ австрійскаго общества, для феодально-клерикальной реакціи во главѣ съ княземъ Лихтенштейномъ и вождемъ анти-семитовъ Люгеромъ, было выгодно начать агитацію въ пользу возстановленія архаическихъ способовъ производства, такъ какъ такая агитація помогала имъ создавать свою собственную партію: за ними шли люди голодные и невѣжественные.

Этимъ людямъ казалось невѣроятнымъ, чтобы цеховыя корпораціи, обезпечивавшія впродолженіи долгихъ столѣтій мирный трудъ и «справедливый» заработокъ ихъ отцамъ и дѣдамъ, не смогли обезпечить и имъ такого-же труда и заработка въ настоящее время. Привлечь на свою сторону невѣжественныхъ и обездоленныхъ ремесленниковъ и мелкихъ производителей было сравнительно не трудно. Къ экономическимъ требованіямъ Лихтенштейнъ и Люгеръ присоединили политическія—въ узко націоналистическомъ и клерикальномъ духѣ. Всѣ «столпы» буржуазнаго общества, все мракобѣсіе реакціи нашло широкій пріютъ и гостепріимство въ рядахъ партіи цеховиковъ. Крупная промышленная буржуазія даже ничего не имѣла противъ попытокъ воскресить умершую цеховую организацію; она знала, что новый промышленный регламентъ не коснется крупной индустріи, а кромѣ этого, была увѣрена, что никакая организація не въ состояніи помѣшать крупной промышленности дѣлать дальнѣйшіе захваты въ сферѣ ремесленнаго и домашняго производства, разъ эти захваты будутъ необходимы по ходу дѣла. Только одни соціалъ-демократы возстали противъ этой попытки гальванизировать трупъ. Вполнѣ естественно что въ виду такой группировки политической силы цеховикамъ не стоило большого труда осуществить на практикѣ свои реакціонныя попытки, выраженіемъ которыхъ въ Австріи является промышленный уставъ 1883 г. Посмотримъ-же теперь, какую картину представляетъ изъ себя домашняя

промышленность Австріи и что стараются закрѣпить г.г. Люгеры, когда говорятъ о ненарушимости, святости и прелести мелкихъ формъ производства и патріархальнаго образа жизни.

Мы не будемъ слѣдить за всѣми оттѣнками домашней промышленности, оттѣнками нашедшими свое опредѣленіе и въ законодательствѣ, и въ экономической наукѣ; въ небольшой журнальной статьѣ, преслѣдующей совсѣмъ иныя цѣли, чѣмъ научная классификація, совершенно неважно проводить различія между городской ремесленной мелкою промышленностью и таковою-же сельской. Намъ только интересно показать условія труда въ этой промышленности; а что условія эти ужасны и поразятъ читателя— мы въ этомъ увѣрены. При дальнѣйшемъ изложеніи мы воспользуемся данными, помѣщенными въ «Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik». Эти данныя собраны приватъ-доцентомъ Стефаномъ Бауэромъ и имъ-же опубликованы въ названномъ журналѣ. Лицъ, занимающихся домашней промышленностью въ Австріи, насчитывается до 700,000 человѣкъ, исключая ихъ семей, а также и городскихъ ремесленниковъ, которыя причислены къ лицамъ самостоятельно отправляющимъ свой промыселъ. Это не мѣшаетъ извѣстной части изъ указанныхъ 700,000 работать въ городахъ или въ качествѣ, т. наз. «Sitzgesellen», или даже въ качествѣ мастеровъ. На 8 крупнѣйшихъ австрійскихъ городовъ приходится до 62,400 лицъ. Вся эта масса лицъ далеко неоднородна по своему составу, а иногда и по соціальному положенію, такъ какъ домашняя промышленность является спутницей мелкаго крестьянскаго, ремесленнаго и даже фабричнаго производства. Домашнее ткачество сѣверныхъ частей Австріи цѣликомъ обязано своимъ существованіемъ нечеловѣческой эксплуатаціи труда ткачей. Такъ называемый «ткацкій мастеръ» скупаетъ пряжу по цѣнѣ, установленной въ давно-прошедшее время, въ которое всѣ отношенія были совсѣмъ иными, чѣмъ теперь. Сельскіе кузнецы работаютъ на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и ткачи, конкуррируя своимъ, почти ничего нестоющимъ трудомъ съ мастерами кузнечнаго дѣла въ сосѣднихъ городахъ и возбуждая въ этихъ послѣднихъ серьезное неудовольствіе своею конкурренціей.

Въ большихъ городахъ, и притомъ въ такихъ, какъ Вѣна, домашняя промышленность свила прочное гнѣздо. Вѣнская анкета 1891 г. рисуетъ положеніе сапожниковъ въ слѣдующихъ краскахъ: «нѣкоторые изъ женатыхъ рабочихъ нанимаютъ квартиру и пускаютъ къ себѣ «Sitzgesellen» за недѣльную плату въ 1 флоринъ. Sitzgesellen работаютъ самостоятельно, а не на того, у котораго нанимаютъ помѣщеніе. Жена «мастера» варитъ пищу такимъ подмастеріямъ, эти подмастерія очень часто не имѣютъ даже сапожныхъ колодокъ, а получаютъ ихъ съ фабрики, точно также, какъ и остальной матеріалъ. По словамъ Бауэра, эти «Sitzgesellen» на самомъ дѣлѣ представляютъ изъ себя плохо оплачивасмыхъ фабричныхъ рабочихъ,

пользуясь трудомъ которыхъ, фабрикантъ сберегаетъ издержки производства и избѣгаетъ всякаго надзора фабричной инспекціи. Другого жилища, кромѣ т. наз. «Schlafstelle», т. е. мѣста для спанья, эти рабочіе не имѣютъ, а потому въ случаѣ безработицы, они должны проводить свои дни на улицѣ, такъ какъ занимать подобныя «Schlafstelle» можно только съ 7 часовъ вечера. Я не стану утомлять читателя цифрами и цитатами, а остановлюсь нѣсколько подробнѣе на текстивной промышленности. Эта промышленность, не смотря на то, что за послѣднее время она организована въ громадномъ большинствѣ случаевъ, на началахъ крупнаго машиннаго производства, считаетъ среди лицъ, ею занятыхъ, наибольшій $^0/_0$ «домашнихъ» рабочихъ. Не буду также останавливаться на шпульницахъ, бахромщицахъ и вышивальщицахъ, и перейду къ главному контингенту рабочихъ, т. е. къ ткачамъ. Торговыя фирмы и фабрики по отношенію къ домашнимъ ткачамъ главнымъ образомъ держатся слѣдующей политики: 1) они т. е. фирмы сами приготовляютъ тонкія пряжи, а толстыя отдаютъ ткать на домъ, во 2) фирма дѣлаетъ лишь основную работу, а отдѣлку сдаетъ на руки и въ 3) фирма передаетъ машинную пряжу фактору для передачи на домъ. Этими тремя главными функціями и опредѣляется дѣятельность торговой фирмы или фабрики по отношенію къ ручнымъ ткачамъ.

Въ Силезіи, Сѣв. Моравіи и по богемской границѣ ткачи работаютъ, какъ на дому, такъ и на ткацкихъ фабрикахъ. Годовая заработная плата у 74$^0/_0$ меньше 150 fl., у 15$^0/_0$ она доходитъ отъ 150 до 200, а выше 200 fl. лишь у 11$^0/_0$. Семейный заработокъ у 70$^0/_0$ достигаетъ 200 fl., у 12$^0/_0$ отъ 200 до 250, отъ 250 до 300 у 28$^0/_0$, а свыше 300 лишь у 3$^0/_0$. Въ Брюннѣ 75$^0/_0$ ткачей не имѣютъ никакой собственности, въ польскомъ округѣ Нейштадтъ 55$^0/_0$ ткачей обладаютъ собственностью, но какой именно, мы сейчасъ увидимъ, приведя нѣкоторыя данныя анкеты.

1) Семья—занимается полотнянымъ ткачествомъ. Мужъ 30 лѣтъ, жена 27 л., дѣтей 3—первый трехъ лѣтъ, второй 1$^1/_2$ г. и третій 14 дней.

Въ комнатѣ два ткацкихъ станка, дѣтская кровать и.... больше ничего. Кубическое содержаніе воздуха довольно только для трехъ лицъ по 7,44 куб. метра. Плата за наемъ подобнаго жилья 20 fl. ежегодно.

Мужъ болѣлъ грудной болѣзнью и не ходитъ въ кабакъ. Проконтролированный мѣсячный бюджетъ 31 фл. 56 кр., но въ этотъ мѣсяцъ были чрезвычайные расходы по случаю рожденія ребенка, такъ что нормальный бюджетъ=18 фл. 50 кр. Изъ нихъ, не считая своего картофеля, 10 фл. 62 кр. или 57,4$^0/_0$ нужно на пищу. Мѣсячный расходъ 18 фл. 50 кр., доходъ 16 фл. 50 кр., получается дефицитъ. *Рабочее время съ 4 ч. 50 м. утра до 10 час. вечера, т. е. 17$^1/_2$ часовъ.*

2) Ткутъ *бархатъ*. Мужъ 37 л., жена 36 л., 4 дѣтей, 13, 9, 8 и 2 лѣтъ. Въ скверную погоду дѣти не могутъ ходить въ школу, за неимѣніемъ прочной обуви, носятъ дареныя платья, *спятъ въ ящикахъ*. Раньше

мужъ получалъ за 6 штукъ бархата по 30 вѣнскихъ локтей въ длину 4 фл. 20 кр., теперь 3 фл. 30 кр. Работаетъ 14 часовъ ежедневно, куритъ табакъ и по воскресеньямъ выпиваетъ на 20 кр. водки.

3) Неимѣющіе собственнаго хозяйства. Мужъ 54 года ткетъ полотно, женѣ 50 л. Уже три года, какъ у жены замѣчается все прогрессирующій упадокъ силъ. Мужъ шпульничаетъ и работаетъ *съ 3 ч. утра до 10 или 11 часовъ вечера или 20 часовъ (?) въ сутки.* Онъ-же кузнецъ и факторъ, зарабатываетъ 35 кр. въ день или 27 коп.

4) Домохозяинъ. Ткетъ *бархатъ.* Вдова 40 л., вдовѣетъ 15 лѣтъ, дочь 18 лѣтъ. На рукахъ слѣпой 86 л. дѣдъ. Живутъ картофелемъ, *мяса не ѣдятъ никогда.*

5) Домохозяинъ. Ткетъ *бархатъ.* Мужъ 32 л., жена 29 л.; мужъ болѣетъ грудью, жена малокровіемъ. Дневной заработокъ 40 кр. (30 коп.). *Мяса не ѣдятъ никогда.* По случаю неурожая картофеля ложатся спать голодными.

6) Ткутъ *бархатъ.* Ткачъ 69 л. и глухо-нѣмой мальчикъ; ребенокъ шпульничаетъ. Дневной заработокъ 28 кр. (23 к.). На вопросъ: хорошо-ли живется, отвѣтилъ: «какъ голому человѣку въ терновникѣ, котораго заставляютъ плясать». Спятъ на полу между станками.

Эти люди не работаютъ на фабрикахъ, но ихъ жены и дѣти работаютъ дома по 17 и 20 часовъ, эти люди родятъ дѣтей, вѣчныхъ рабовъ капитала, по словамъ Бауэра, дѣтей поражающихъ своимъ больнымъ, рахитичнымъ видомъ. Смертность дѣтей на первомъ году жизни среди этой «домашней» идилліи неслыханная — ихъ умираетъ 13%, а для всего государства эта смертность равна лишь 7,81%. Среди деревенской природы, подъ охраной матерей мретъ въ два раза больше дѣтей, чѣмъ въ душныхъ городахъ! Я не буду, злоупотреблять вниманіемъ читателей, я не буду описывать организацію труда въ шерстяной промышленности— возьмите любой отчетъ о нашей кустарной промышленности, дополните картиной, такъ ярко нарисованной В. Короленко въ его очеркахъ о кустаряхъ села Павлова — и вы получите полное представленіе о положеніи ткачей въ Австріи. Гауптману не надо было много воображенія, чтобы написать его драму «Ткачи» — стоило съѣздить въ Богемію, Силезію или Моравію, и драма жизни могла быть прямо перенесенной на печатные листы. Заработная плата—этотъ единственный «доходъ» ткачей шерстяной промышленности, цѣликомъ опредѣляетъ ихъ жизнь во всѣхъ подробностяхъ, и эта заработная плата достигаетъ 40—41 крейцеровъ въ день, т. е. 35 коп. Изъ этой суммы ясна ихъ жизнь, ясны ихъ стремленія и желанія. По выраженію Бауэра — вся родина ткачей обратилась для нихъ въ мастерскую съ условіями труда, только что описанными нами. Но ткачи не представляютъ исключенія среди лицъ, занятыхъ въ домашней промышленности. Вѣнское изслѣдованіе положенія работницъ, занятыхъ приготовленіемъ

платья и бѣлья на продажу, обнаружило такіе факты, обрисовало такую картину, что стыдно становится за 19 вѣкъ. Оказалось, что проституція составляетъ нормальный промыселъ среди этихъ работницъ, такъ какъ заработка положительно не хватаетъ для жизни. Жидкій цикорный кофе и маленькіе буттерброды составляютъ всю ихъ пищу, работаютъ 16, а по сезонамъ и 18 час. въ сутки!

Мы кратко обозрѣли положеніе лицъ, занятыхъ въ домашней промышленности, мы видѣли, что положеніе это по истинѣ ужасно — намъ остается теперь познакомиться съ тѣми средствами, которыми намѣревается правительство и нѣкоторыя политическія партіи бороться съ этимъ положеніемъ.

Собственно говоря, въ данное время, въ общихъ чертахъ, можно намѣтить въ З. Европѣ только три партіи, имѣющія опредѣленныя программы и столь-же опредѣленные идеалы и стремленія. Первая—это феодально-клерикальная партія, всѣ симпатіи и вождѣленія которой стремятся къ далекому прошлому. Эта партія готова произвести даже революцію, только-бы добиться возврата къ старому; всѣ ихъ слова, традиціи воспитаніе, привычки и вкусы, и прежде всего ихъ экономическое положеніе крупныхъ землевладѣльцевъ, заставляетъ ихъ ненавидѣть современный буржуазный строй съ его конкуренціей, необезпеченностью существованія и все усиливающимся демократическимъ теченіемъ. Отношеніе этой партіи къ домашней промышленности ясно само-собою: это закоренѣлые цеховики, которые, пожалуй, не прочь ввести даже и крѣпостничество, конечно, какъ увѣряютъ они, въ патріархальномъ его видѣ, укладывающимся въ формулу: «мы ваши отцы, а вы наши дѣти». Понятно, что въ силу антагонизма отцевъ и дѣтей, столь преступнаго въ ихъ глазахъ, «дѣти» и слышать ничего не хотятъ о подобномъ возвращеніи къ «доброму» старому времени. Затѣмъ слѣдуетъ партія буржуазная (ради простоты я вездѣ подразумѣваю наиболѣе типичныя программы, т. е. программы крупныхъ феодаловъ и крупныхъ-же буржуа). Эта партія является, до нѣкоторой степени, вольтеровскимъ Панглосомъ, твердо увѣреннымъ, что все идетъ къ лучшему въ этомъ лучшемъ изъ міровъ. Добившись господства, буржуазія очевидно должна считать современный экономико-соціальный строй наиболѣе справедливымъ, соотвѣтствующимъ „природѣ“ человѣка, а потому и не подлежащимъ никакимъ принципіальнымъ измѣненіямъ.

Она, говоря по правдѣ, совсѣмъ не заинтересована въ какихъ либо мѣропріятіяхъ въ сферѣ домашняго производства; я уже говорилъ, что она увѣрена въ томъ, что когда это понадобится, она съумѣетъ справиться со всякой домашней промышленностью, регламентированной или нѣтъ,—безразлично.

Когда феодальные „бароны“ уже слишкомъ далеко заходятъ въ своихъ реакціонныхъ вождѣленіяхъ, тогда, конечно, буржуа не забываетъ

кричать о „прогрессѣ“ и проваливаетъ проэкты не въ мѣру зарвавшихся феодаловъ. Эта партія, какъ уже сказано, относится къ проэктамъ воскресить цеховыя корпораціи нейтрально, выступая только тогда, когда дѣло слишкомъ обостряется. Главная масса энергіи этой партіи уходитъ на борьбу съ третьей, все ростущей партіей, т. е. съ партіей соціалъ-демократовъ. Соціалъ-демократы ярые противники всѣхъ попытокъ возврата къ средне-вѣковому строю, а потому, понятно, горячо агитируютъ противъ всѣхъ мѣръ, такъ или иначе стремящихся снова вызвать этотъ строй къ жизни. Эти три партіи—партія прошедшаго, настоящаго и будущаго—относятся неодинаково къ домашней промышленности. Въ частности, соціалъ-демократическая партія всегда стоитъ за реформы, укрѣпляющія буржуазный строй, такъ какъ она убѣждена что этимъ укрѣпленіемъ современнаго очищается дорога къ достиженію идеаловъ будущаго. Изъ подобнаго отношенія соціалъ-демократовъ къ реформамъ буржуазнаго характера, конечно, не вытекаетъ никакого примирительнаго отношенія этой партіи къ буржуазіи, наоборотъ, нельзя представить себѣ большаго антагонизма, чѣмъ тотъ, который существуетъ между двумя этими партіями. Отношеніе буржуа къ феодаламъ, въ общемъ, во много разъ лучше, чѣмъ къ соціалъ-демократамъ. Такъ, напримѣръ, и по частному вопросу урегулированія домашней промышленности между феодалами и буржуазіей существуетъ гораздо больше согласія, чѣмъ между соціалъ-демократами и буржуазіей. Дѣло въ томъ, что феодалы нисколько не заинтересованы въ существенномъ улучшеніи положенія ремесленной и домашней промышленности, да при этомъ наиболѣе умные изъ нихъ знаютъ, что никакого дѣйствительнаго улучшенія этой промышленности при современной системѣ производства не можетъ произойти. Всѣ ихъ мѣропріятія ограничиваются исключительно полицейскими предписаніями: запрещается держать больше опредѣленнаго закономъ количества учениковъ, запрещается несчастнымъ „Sitzgesellen“ работать сразу на нѣсколькихъ мастеровъ, чѣмъ еще больше закрѣпощаютъ ихъ какому нибудь одному, требуется экзаменъ для права заниматься какимъ нибудь ремесломъ, что, опять-таки, прикрѣпляетъ человѣка къ опредѣленной профессіи, не давая ему перемѣнить ее, когда это можетъ быть выгодно, опредѣляется закономъ сфера промышленной дѣятельности и т. д., все въ томъ-же духѣ. Никакихъ мѣропріятій для дѣйствительной борьбы съ крупнымъ капиталомъ не предпринимается, домашнее производство по прежнему остается исключеннымъ изъ сферы вѣдѣнія фабричной инспекціи, по прежнему предоставлено не знающей границъ эксплуатаціи скупщиковъ и факторовъ. Подобное полицейское отношеніе къ домашней промышленности замѣчается со стороны всѣхъ реакціонныхъ партій.

Въ Германіи 26 іюля 1897 г. прошелъ проэктъ новаго ремесленнаго устройства, проникнутый такими же цеховыми симпатіями, какими про-

никнутъ и промышленный австрійскій уставъ 1883 г. Любопытно, поэтому, сравнить эти уставы съ уставами странъ, далеко ушедшихъ впередъ по пути экономико-соціальнаго прогресса. Въ то время, какъ Пруссія сдѣлала шагъ назадъ отъ своего промышленнаго устава 1848 г., а Австрія—два шага, молодая Австралія ввела въ 1896 г. новое фабричное законодательство, — сначала только въ Викторіи. Фабричное законодательство Викторіи 1896 г. имѣло тоже главною цѣлью борьбу съ домашней промышленностью и съ порождаемою этой промышленностью «Sweatingsystem», т. е. съ системою «выпота». § 3 фабричнаго акта 1896 г. гласитъ: подъ фабрикой или мастерской должно понимать каждую постройку, пространство или огороженное мѣсто, гдѣ работаютъ четыре или болѣе лицъ не китайцевъ, или одинъ и болѣе китайцевъ, причемъ эта работа направлена на приготовленіе продуктовъ для продажи. Если въ заведеніи работаетъ газовый, керосиновый или другой двигатель, то довольно двухъ лицъ, чтобы подобное заведеніе считалось фабрикой и подчинялось всѣмъ правиламъ и предписаніямъ фабричнаго надзора. А фабричный надзоръ въ Викторіи далеко не шуточное дѣло: чтобы удовлетворить ему, заведеніе должно быть обставлено со стороны гигіены почти безупречно; оно должно содержать закономъ опредѣленный minimum объема воздуха на человѣка, имѣть отдѣльныя комнаты для пріема пищи, а также и спальни, не можетъ эксплуатировать дѣтскаго труда ниже извѣстнаго возраста, можетъ работать только опредѣленное закономъ количество часовъ и т. д. Понятно, что исполнять всѣ эти предписанія значитъ потерять всѣ выгоды, связанныя съ домашней промышленностью въ ея европейскомъ видѣ, т. е. съ безграничной эксплуатаціей дѣтскаго и женскаго труда, съ ея рабочимъ днемъ, продолжающимся даже за физіологическіе предѣлы, съ ея «голодной» заработной платой и т. д. Нужно еще прибавить, что фабричный актъ Викторіи вводитъ такое новшество, которое даже Бебелю кажется «утопіей» — онъ опредѣляетъ, при помощи особой выбранной коммиссіи, minimum заработной платы. Вотъ какими мѣропріятіями борятся съ домашней промышленностью «страны, ушедшія впередъ» А мы придерживаемся взгляда, что «страны отсталыя могутъ и должны учиться у странъ, ушедшихъ впередъ».

Что касается положенія австрійской домашней промышленности, то она находится въ положеніи безнадежно больнаго человѣка. Она безповоротно обречена на смерть, дѣло должно заключаться только въ томъ, чтобы ея умираніе было по возможности безболѣзненнымъ. Крупный капиталъ, вооруженный всѣми успѣхами современнаго техническаго знанія совсѣмъ не такой врагъ, съ которымъ можно бороться при помощи полицейскаго участка. Безчеловѣчная эксплуатація, голодная заработная плата, невозможныягигіеническія условія, низводящія людей на степень рабочаго скота — вотъ неизбѣжные спутники современной домашней промышленности. Что касается мѣропріятій для

улучшенія положенія лицъ, занятыхъ въ этой промышленности, то покуда эти мѣропріятія исходятъ изъ рядовъ партій, духовными вождями которыхъ являются гг. Лихтенштейны и Люгеры, всѣ эти мѣропріятія будутъ носить характеръ реакціонныхъ и безполезныхъ попытокъ «повернуть вспять колесо исторіи», не только не улучшая положенія рабочихъ этой промышленности, но даже ухудшая его. Мы не смѣшиваемъ домашней промышленности съ ремесленной и отлично знаемъ, въ чемъ ихъ отличіе, но въ нашей статьѣ мы имѣли право объединить ихъ, такъ какъ у нихъ слишкомъ много общихъ чертъ и къ нимъ одинаково относятся господствующія партіи, видя въ нихъ оплотъ невѣжества и возможность эксплуатаціи темныхъ массъ населенія исключительно въ свою пользу. Вся политика австрійскихъ законодателей по отношенію къ ремеслу и домашней промышленности прекрасно характеризуется словами Рихарда Шюлера, сказанными имъ въ XI т. «Архива соціальнаго законодательства и статистики. Онъ говоритъ: «австрійское ремесленное законодательство показываетъ, въ какомъ неясномъ принципіальномъ положеніи находится экономическая политика. Ничего не дѣлается съ рѣшительностью, но и ничего рѣшительно не отклоняется. Специфическія отношенія принимаются во вниманіе тамъ, гдѣ они должны-бы были не приниматься во вниманіе изъ-за принципіальныхъ соображеній. Разсмотрѣніе отдѣльныхъ обстоятельствъ всегда будетъ ошибочно, если оно лишено общей точки зрѣнія. Нашей экономической политикѣ не достаетъ ясной и сильной рѣшимости, она не выходитъ изъ путаницы отдѣльныхъ то реакціонныхъ, то прогрессивныхъ моментовъ. Односторонняя, а потому и ложная точка зрѣнія политическаго оппортунизма (Relativität) вполнѣ господствуетъ въ мышленіи. Какъ-бы не казалось это невозможнымъ, главная черта нашей ремесленной политики, если вообще можно говорить въ этой смутной картинѣ разнообразнѣйшихъ мѣропріятій о какихъ-либо чертахъ—заключается въ томъ, что пожертвовано всѣми интересами рабочихъ, что разрушается подростающее поколѣніе, ослабляется способность къ труду, понижается потребленіе, и положеніе ремесла еще ухудшается благодаря конкуренціи на смерть эксплуатируемаго домашняго рабочаго». Этотъ отзывъ Шюлера, какъ могъ убѣдиться читатель, вполнѣ справедливъ по существу, но, быть можетъ, слишкомъ мягокъ по формѣ.

А. В.